

Я привёл вещи в порядок и вышел из комнаты. Заметив, что дверь Сяо Биня плотно закрыта, я подумал, что он, должно быть, уже ушёл. Вот же паршивец, даже не попрощался со мной.

Выбравшись из постоялого двора, я бесцельно побродил по улице. Вокруг сновали люди, стояло такое оживление.

Впереди я заметил толкучку: люди сгрудились в кучу и наперебой о чём-то спорили. Поддавшись человеческому инстинкту, я протиснулся вперёд. Моему взору предстала классическая сцена продажи себя ради похорон отца. На девушке была надета лишь тонкая одежда, а на верхней одежде виднелось несколько заплат. Её туфли, судя по всему, носили уже очень давно: хоть они и выглядели старыми, но были чистыми. Держалась она просто и непринуждённо, что невольно располагало к ней. Прекрасные черты лица в сочетании с правильными пропорциями выдавали в ней безусловную красавицу.

— Скажи, девушка, сколько серебра тебе требуется для помощи?

— Пятьдесят лянов.

Я судорожно втянул воздух и невольно подумал: «Неужели! Вот почему эти зеваки до сих пор не вмешались — хотели бы помочь, да возможностей нет!»

— Молодой господин, вы ведь поможете мне, правда?

— У меня нет денег.

— Судя по вашему благородному наряду, вы, должно быть, из богатой семьи.

Я бросил взгляд на своё одеяние — разве не в него я переоделся ещё в Резиденции Ли?! Впрочем, надо отдать должное Ли Яну: костюм пришёлся мне впору, и он мне очень нравился. Моих собственных средств всё равно бы не хватило даже на один рукав.

Не дождавшись от меня ответа, девушка продолжила:

— Судя по вашему цвету лица, молодой господин, выдох превосходит вдох — похоже, вы отравлены, причём довольно тяжело.

— Верно, подмечено верно. По одному лишь лицу определила моё состояние, но это всё равно не повод помогать тебе.

— Я несколько лет изучала медицину и смогу заботиться о вас.

— Прости, но мне правда это не нужно. Я привык быть один.

Услышав мои слова, девушка чуть не расплакалась, а в её взгляде промелькнули мольба и отчаяние.

— Молодой господин, умоляю, проявите милосердие! — продолжала опускаться на колени и причитать девушка, утирая сбегающие слёзы.

Окружающие тут же устремили на меня гневно сверкающие взгляды.

Я виновато развёл руками перед толпой, ломая голову над тем, с чего вдруг все решили, что я её обижаю. В этот момент я возненавидел свою пагубную привычку совать нос во всякие зрелища.

Дрожащими руками я выудил из кармана пятьдесят лянов и проговорил:

— Ладно-ладно, хватит реветь. Вот пятьдесят лянов, бери и устраивай отца в последний путь!

— Спасибо, молодой господин!

— Не забудь, а я пойду. Живи теперь как положено!

Лихо развернувшись и махнув рукой, я направился к городским воротам. И хотя в кармане не осталось ни гроша, на душе было легко и радостно.

Шагая вперёд и всё ещё наслаждаясь теплотой от доброго поступка, я вдруг заметил метнувшуюся в толпе тень. Меня словно молнией прошибло, и одновременно спиной я почувствовал чью-то слежку.

Я прибавил шаг, подумав про себя: а новости распространяются быстро. Впрочем, мне это только на руку.

Добравшись до ворот, я заметил нескольких стражников и стремглав бросился к ним.

Но стоило мне попытаться проскочить мимо, как какой-то мужчина позади меня истошно завопил:

— Он! Он украл мою вещь!

Услышав это, я в изумлении обернулся, а подоспевшие стражники тут же скрутили меня.

Сделав кислую мин, я обратился к мужику:

— Уважаемый, и что же я у тебя стянул?

— Да толком не разглядел, но раз украл — значит, украл!

До чего же абсурдно! Никакой внятной причины, просто слов нет.

Один из стражников, желая избежать шумихи, распорядился:

— Уведите в застенок, допросим завтра.

Так мы с этим дядькой и оказались заперты в одной камере.

Камера была тусклой, факелы горели примерно через каждые пятьдесят шагов, а под ногами зияли выбоины — идти, когда тебя конвоируют, было поистине неудобно.

Мы с мужиком уставились друг на друга, вылитые два дурня. Стоим и палимся, заняться всё равно нечем — не драться же нам в самом деле? Тогда я решил заговорить:

— Раз уж мы в таком положении, дядька, давай хоть поболтаем?

— А давай, всё равно делать нечего.

С этими словами он подсел ко мне поближе.

— Послушай, а чем ты занимаешься? Ты ведь, похоже, не здешний?

— Я-то? Тофу на перекрёстке продаю. Сам не местный, но торговля здесь уже не первый год идёт.

— Вот как! То-то мне казалось, что твоё лицо мне знакомо. Так с чего это ты вдруг заявил, будто я у тебя что-то украл? Мы же с тобой даже не знакомы!

Услышав это, дядька смущённо усмехнулся и пояснил:

— Сегодня утром подошёл ко мне один тип, сунул под нос портрет и велел: как только этот парень попытается выйти из города, кричи, что он обокрал тебя. А взамен отсыпал целых пятьдесят лянов! Сам подумай, таких денег мы за целый год торговли не выручим, вот я и согласился.

Я понимающе кивнул и заметил:

— Ну, это понять можно. Окажись я на твоем месте, поступил бы точно так же. Не переживай, я на тебя не в обиде.

— И ты меня прощаешь?

— Ага, прощаю. Ты ведь тоже ради куска хлеба стараешься.

— Только учти, как бы ты ни говорил, а завтра я всё равно повторю, что ты вор, пощады не жди!

Я согласно кивнул.

Поглядев на запертую дверь камеры, я почувствовал странное спокойствие. С того самого момента, как я унёс пилюлю возвращения сердца из Резиденции Ли, я знал, чем всё закончится, а потому был готов принять любой исход. Вот только жаль, если теперь не удастся побывать на Собрании Улинь.

От этой мысли невольно вырвался вздох.

— Эй, молодой господин, шаги! Похоже, к нам идут. Скажи, неужто они среди ночи надумали допрос устраивать? А то и прикончат часом, — испуганно зашептал дядька.

— Наверняка. Отпустить-то меня они точно не собираются, а вот насчет тебя не знаю.

— Как же так? Ты что, кого-то убил?

— Нет. Просто у меня есть то, что им нужно.

— Ох, пропал я! Пропал! И чё меня только за эти деньги чёрт дёрнул согласиться? Теперь пропаду ни за грош, что же моя старуха без меня делать будет?!

Глядя на то, как этот дядька трясётся от страха, я понял, что раскаивается он искренне.

— Не бойся, им нужен только я. Тебя же просто наняли, так что живи спокойно!

Дядька утер слёзы, сообразив, что в этом есть резон, и выдохнул:

— И то верно.

Шаги тем временем приближались. До нас донёсся окрик стражников у входа, приветствовавших генерала, тяжёлая дверь камеры отворилась, и я, приглядевшись, узнал вошедшего. Это был Ян Чжань.

Встрепенувшись от радости, я поднялся на ноги. Ян Чжань подошёл ко мне и с ходу произвел смотр обстановки:

— Цел? Прости, что задержался.

Я улыбнулся в ответ:

— Жив-здоров. Спасибо, что выручаешь.

Кивнув, Ян Чжань скомандовал:

— Пойдём отсюда.

— Угу.

Мы уже собрались выйти из камеры, как дядька вдруг робко подал голос:

— А можно мне с вами?

Я обернулся: во взгляде мужика читалась сплошная мольба. Переведя взгляд на Ян Чжаня, я дождался его одобрительного кивка и повернулся к сокамернику:

— Пойдём.

— Спасибо вам! — рассыпался в благодарностях дядька.

Выбравшись наружу, дядька поклонился нам на прощанье и быстро зашагал прочь, не оглядываясь.

Я тут же повернулся к Ян Чжаню:

— Откуда ты узнал, где я сижу?

Тот охотно пояснил:

— Я как раз возвращался из дворца и столкнулся с Ли Яном, направлявшимся туда же. Мы перебросились парами слов, и тут его подчиненный доложил, что тебя арестовали. Самому Ли Яну из-за аудиенции у императора вырваться было никак нельзя, вот он и попросил меня вытащить тебя.

— А что за тип меня подставил?

— Да наверняка мелкие грабители, позарившиеся на твои деньги. Увидели, как щедро ты сорил монетами, вот и решили, что у тебя куры не клюют.

— Деньги? Да у них у самих глаза на лоб полезли бы от моих «богатств».

Ян Чжань усмехнулся:

— Ну, раз всё разрешилось, давай я провожу тебя до ворот.

— Будь любезен.

— Пустяки, всё равно кое-кто у меня в долгу, — самодовольно бросил он.

Приблизившись к выходу из города, мы заметили девушку, которая околачивалась неподалёку от ворот.

Приглядевшись, я ахнул: да это же та самая девица, что продавала себя ради похорон отца!

Я направился к ней. Едва заметив меня, она с восторгом бросилась навстречу:

— Молодой господин! Где же вы пропадали? Я уж боялась, что вы ушли, и до последнего расспрашивала стражу — к счастью, удалось дожидаться вас здесь!

— Ой, а ты как тут? Разве дела с похоронами уже закончила?

— Угу, всё уладила. Как только закончила, сразу пришла искать вас. Теперь вы моя единственная опора.

У Ян Чжаня отвисла челюсть, и он на мгновение лишился дар речи.

— У Сюй, да у тебя на стороне любовница!

Наконец справившись с шоком, выдавил из себя Ян Чжань.

— Какая ещё любовница?! Погоди-ка, с чего ты взял? Я ведь всего-то дал ей пятьдесят лянов из жалости!

— Не бойсь, я не стану рассказывать жене Ли Яна, что у него завёлся соперник.

— Девушка, прекрати молоть чепуху! Ты видишь, мой друг всё не так понял? Я же велел тебе начать новую жизнь, а не цепляться за меня! — попытался вразумить девицу я.

— Живой я буду вашей, а мёртвой — тем более вашей! Если не возьмёте меня в служанки, я прямо здесь наложу на себя руки!

— Только не это! Послушай, девушка, ты в своём уме? Хочешь ходить за мной — ходи, дело твоё, только предупреждаю: со мной тебе будет смертельно опасно.

— Не бойся, девушка, он же теперь фактически домашняя жёнушка самого Ли Яна, благоверная Шаоцина, так что за свою шкуру можешь не трепетать! — со смешком подначил Ян Чжань.

— Генерал Ян, а ты изменился. Смотрю, шутить научился, — покосился я на него.

Усмехнувшись, Ян Чжань переключился на девушку:

— Верно, а как тебя величать?

— Сяо Цзин.

— Красивое имя. Мне нравится.

Щёки Сяо Цзин тут же залились румянцем.

Глядя на их пробуждающиеся чувства, я понял: весна в их сердцах уже наступила.

— Мне, конечно, претит вам мешать, но время позднее, Сяо Цзин, выступаем, — с улыбкой произнёс я.

— Слушаюсь, молодой господин!

— Ну, тогда до встречи в лучшие времена, — бросил Ян Чжань.

— Ещё увидимся.

С этими словами мы с Сяо Цзином вышли за городские ворота.

<http://bllate.org/book/20995/2134590>